

УДК 001

Эгильский Евгений Эдуардович

кандидат философских наук, доцент кафедры философии религии и религиоведения.

Институт философии и социально-политических наук,
Южный федеральный университет
darya.maksimovich@gmail.com

Касьянов Валерий Васильевич

доктор социологических наук, доктор исторических наук,
профессор, заведующий кафедрой истории России,
Кубанский государственный университет
culture@kubsu.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор кафедры управления персоналом и социологии,
Ростовский государственный экономический университет
samugin78_@yandex.ru

Evgeny E. Egilsky

Candidate of Philosophy, Associate Professor
philosophy of religion and religion.

Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences,
South Federal University
darya.maksimovich@gmail.com

Valery V. Kasyanov

doctor of sociological Sciences, doctor of Historical Sciences, professor, head of
Department of History of Russian Kuban State University
culture@kubsu.ru

Sergei I. Samygin

doctor of sociological Sciences, professor. Department of human resource
management and sociology, Rostov State Economic University
samugin78_@yandex.ru

**Современное славянское неоязычество:
сущность, предпосылки, перспективы**

**Modern Slavic Neopaganism:
essence, premises, prospects**

Аннотация. В статье рассматривается феномен постсоветского славянского неоязычества. Авторы исследуют его сущностные черты, определяют предпосылки возникновения и популяризации неоязычества в постсоветском обществе, его возможных политических последствиях, связи с проблемой кризиса коллективной идентичности. Ставится вопрос об универсальных и специфически российских предпосылках этого явления.

Авторы делают концептуальный вывод о неизбежности дальнейшей популяризации неоязычества.

Ключевые слова: неоязычество, глобализация, кризис идентичности, секуляризация, десекуляризация.

Annotation. The article deals with the phenomenon of post-Soviet Slavonic neopaganism. The authors examine its essential features, determine the prerequisites for the emergence and popularization of neopaganism in post-Soviet society, its possible political consequences, its connection with the problem of collective identity crisis. The question is raised about the universal and specifically Russian prerequisites for this phenomenon. The authors make a conceptual conclusion about the inevitability of further popularization of neopaganism.

Key words: neopaganism, globalization, identity crisis, secularization, desecularization.

На протяжении последних десятилетий мы наблюдаем в нашей стране довольно мощную волну увлечения славянским неоязычеством, и эта волна идет по нарастающей. Это, если можно так выразиться, языческий ренессанс. Точнее, неоязыческий ренессанс. Причем неоязыческие религиозные группы – лишь одна из составляющих этой волны. И не самая, кстати, многочисленная. Групп, относящихся к славянскому неоязычеству, много, но их численность обычно не превышает несколько десятков человек, а то и меньше.

Но помимо групп совместного почитания богов мы имеем множество других культурных явлений, которые так или иначе связаны с этой неоязыческой волной. Это и неоязыческий рок, и художественная литература, оформившаяся в жанр славянского фэнтези, и соответствующая живопись. Это и литература в жанре фолк-истории, которая может возводить историю славян к самому возникновению человечества. Это и тесно связанная с альтернативной историей альтернативная («народная») лингвистика, которая не только читает по-русски этрусские надписи, но и находит русские надписи на луне. Это славянские боевые искусства, это славянские системы оздоровления и психофизических упражнений наподобие славяно-горицкой борьбы, спаса, здравы, шуйного пути.

Мы можем видеть, как отечественный нью-эйдж все больше и больше приобретает неоязыческий славянский (точнее, псевдославянский) колорит. На соответствующих тренингах вам могут предложить установить связь с родом, раскрыть славянские чакры, овладеть славянской магией, славянской астрологией, изучить то, что в этих кругах уже именуют славянскими практиками. Предлагается своеобразная альтернатива восточным веяниям в нью-эйдж: не хочешь открывать индийские чакры – открывай славянские.

Российское неоязычество, как известно, достаточно политизировано, и мы можем видеть достаточно много политических теоретиков и политических активистов, имеющих свои проекты построения общества, основанного на язычестве. Политическая ориентация этих людей преимущественно ультраправая, тесно связанная с расизмом. Можно отметить также и неоязыческих теоретиков расизма – от совершенно фантастических

окультурных построений и до попыток возрождения биологического расизма образца девятнадцатого века.

Неоязыческий ренессанс – это не только политический активизм, но и участие в достаточно популярном сейчас движении экологических поселений и сторонников натурального питания. Это движение весьма разнородно, но в последнее время в нем все ярче присутствует славянское неоязычество.

Наконец, не надо забывать и о значительном количестве индивидов, которые, не принадлежа организационно ни к одной неоязыческой общине, являются активными потребителями всей культурной продукции, так или иначе маркируемой как неоязыческая. Эти люди слушают соответствующую музыку. время от времени посещают мероприятия, читают неоязыческую литературу. Впору говорить о формировании обширной неоязыческой субкультуры. И еще больше наших соотечественников, в той или иной степени, затронуты символами, ценностями, убеждениями неоязычества, в той или иной степени разделяют и принимают как истину неоязыческие идеологемы.

Очевидно, что неоязыческий ренессанс охватывает множество аспектов нашей культуры и общества. Различные его проявления уже давно стали объектами внимания ученых разных специальностей. Но комплексный подход в рамках единой парадигмы отсутствует. По сути, сейчас почти у каждого ученого свое неоязычество, так что один специалист может изучать неоязычество как историю радикальных политических идей, вообще не касаясь ритуальных практик неоязыческих групп, а другой – наоборот, не считать политическое неоязычество частью неоязыческого движения.

Программа же междисциплинарного исследования потребовала бы общей базы, общего понимания того, что, собственно, представляет собой неоязычество. Что же есть общего для всех проявлений неоязыческого движения: от радикальных политических программ до ньюэйджевских славянских практик? Мы полагаем, что в таком случае понимание неоязычества как реконструкции практик поклонения богам дохристианской эпохи будет недостаточно – даже участники религиозных групп видят в богах скорее олицетворения неких сил, а не сверхъестественные существа. Не говоря уже о других формах неоязыческого движения, для которых боги могут вообще не играть никакой роли.

Мы предлагаем понимать под неоязыческим движением практики, направленные на восстановление пребывания человека в целостном, гармоничном природно-социальном космосе – того бытия, что было разрушено с приходом христианства, как считается неоязычниками, а также теоретизирование, оправдывающее, обосновывающее и регламентирующее это восстановление. По сути, мы имеем дело с архаичным мифологическим сюжетом Золотого Века. Но – и это сущностный момент – в качестве причины выпадения человека из гармонии бытия тут выступает христианство. Или, как вариант, обусловленный генетическими особенностями нашего неоязычества – евреи, использующие христианство в своих целях.

Этот возврат может осмысливаться по-разному, и воплощаться в разных практиках: в политическом активизме, борьбе за чистоту расы, создании

экопоселений, реконструкции ритуальных практик. Он может пониматься как коллективное действие, или же – в психофизиологических упражнениях, в оздоровительных практиках – как индивидуальное, совершаемое с опорой на примерную космическую модель.

Помимо стремления восстановить утраченное целостное восприятие мира и гармонические отношения между человеком и природой, славянское неоязычество напрямую связано с переоценкой исторического прошлого России и кризисом коллективной идентичности. Распад СССР породил не только мировоззренческий вакуум и разочарование, но также привел к необходимости формирования новых коллективных идентичностей во всех постсоветских обществах, началось формирование постсоветских наций. В различных бывших республиках СССР этот процесс протекал по-разному, но практически везде создание новой национальной идентичности подразумевало негативную интерпретацию совместного с Россией прошлого, попытки выстроить собственную историю, независимую от российского влияния, удревнить свою историю. Часто эти попытки сопровождались фальсификацией истории в угоду идеологии и политическим интересам.

В России, в отличие от других бывших советских республик, распад СССР был воспринят обществом не как освобождение и обретение независимости, а, скорее, как историческое поражение. Переосмысление исторического прошлого, во многом, определялось стремлением заново утвердить величие российской истории, вернуться к «традиционным ценностям», важнейшей из которых оказалось православие, которое играет всё более заметную роль в современных идеологических моделях российской специфики. Но это был не единственный путь. В частности, неоязычники предпочли иной вариант построения коллективной идентичности, подразумевающий радикальный разрыв с существующими моделями российской истории.

Следует отметить то, что российские неоязычники негативно относятся к слову «русские». Они предпочитают называть себя «славянами», «славяно-ариями», «россами», «руссами», «русичами» и др., но не «русскими» и не «россиянами». Изменение самоназвания имеет большое символическое значение. Выбирая новое имя, группа символически отрекается от истории, стоящей за прежним названием. Применительно к неоязычникам это действительно так – существующую историю России и русского народа они считают фальсификацией, призванной лишить славян (или росов, или русов) знания о своем настоящем прошлом и былом величии.

Неоязыческие лидеры сами иногда признают, что создают проект новой нации. Видимо, можно говорить о своеобразной консервативной революции – не ставится задача создать нечто абсолютно новое. Наоборот, «новизна» мыслится как восстановление старого, которое было забыто или злонамеренно подавлено. В каком-то смысле, это напоминает настроения, предшествовавшие формированию нацистского государства. Националистически настроенные российские неоязычники не представляют собой хоть сколько-нибудь заметной политической силы, однако часть

неоязычников тяготеет к политической деятельности, пытаясь найти союзников среди представителей власти.

Итак, ситуация начала XX века и нынешняя ситуация имеют несколько важных различий. Тогда в качестве костяка и движущей силы консервативной революции выступали именно политические партии, партии тоталитарного типа с четко сформулированными политическими программами. (Сейчас предпринимаются многочисленные попытки доказать, что ведущей силой были не партии, которые сами по себе превращаются в инструмент неких оккультных сообществ. Однако серьезные научные исследования опровергают это мнение. Тем более не имели большого значения некие неоформленные массовые умонастроения. И всё же они создавали некий культурный фон, на котором разворачивалась политическая борьба).

Среди идеологов консервативной революции были люди, увлекавшиеся языческим наследием (например, Ю. Эвола), но всё же политические партии, стремившиеся к консервативной революции, не требовали в своих программах радикального отказа от христианского наследия Запада, иначе они не стали бы массовыми. Секуляризация еще не зашла достаточно далеко, и христианское наследие играло большую роль. Поэтому, например, румынское фашистское движение под руководством Кодряну апеллировало к православию, а явное антихристианство А. Розенберга не получило широкой поддержки даже в рядах нацистской партии.

В современной ситуации радикальные политические партии, ориентированные на язычество, были карликовыми еще в момент своего появления в 90-е гг. прошлого века, а к настоящему времени практически исчезли. Сейчас, если можно говорить о «движущей силе» некоего консервативного поворота, то в качестве таковой выступает именно неоформленное духовное движение, некий российский неоязыческий Нью Эйдж. Существуют авторитетные «лидеры мнений», учителя, но они не являются центрами какой-либо заметной организационной активности, это лишь некие центры идейной кристаллизации, причем этих «центров» столько же, сколько учителей, потому российское неоязычество не располагает общей доктриной.

Наконец, идейная секуляризация зашла в современном обществе настолько далеко, что подобные умонастроения могут отрицать христианское наследие, не опасаясь утратить поддержку. Однако наряду с секуляризационными в современном российском обществе разворачиваются и десекуляризационные процессы. Антихристианство российских неоязычников причудливо переплетается с растущим влиянием православия, однако и влияние неоязычников тоже возрастает. В принципе, и рост влияния православия, и возрастающая популярность неоязычества – это разные аспекты десекуляризации.

С одной стороны, нет оснований опасаться, что нынешнее российское неоязычество приведет к заметному политическому эффекту. С другой же стороны, правое неоязычество, зараженное расизмом, тоталитаризмом, антисциентизмом и откровенным мракобесием, существуя в виде диффузного

мировоззрения, трудноуязвимо, поскольку нет какого-то «противника», которому можно было бы противостоять. Кроме того, сходные настроения могут присутствовать и среди ультрафундаменталистски настроенных маргинальных православных групп, наподобие движения противников ИНН. Можно сказать, что и неоязычество, и маргинальные православные группы затронуты общим процессом некоторой культурной архаизации, имеющей место в постсоветском обществе [1].

Мы описали в общих чертах неоязыческий ренессанс в постсоветской России, теперь необходимо выделить причины и определиться с перспективами. Что касается причин, то они имеют и религиозный, и нерелигиозный характер. Кроме того, это явление, характерное не только для России. Поэтому нам нужно будет выделить общие и специфические, российские предпосылки этого явления.

Первым фактором, вызывающим к жизни языческий ренессанс, следует считать общие секуляризационные процессы, подорвавшие авторитет христианства и создавшие условия возможности обсуждения проблемы «что было бы, если бы мир не стал христианским». С точки зрения язычников, мир явно был бы лучше. Интересно, что в своих рассуждениях неоязычники часто повторяют те аргументы и идеи, которые использовались в эпоху Просвещения и еще в XIX веке антиклерикально мыслящими интеллектуалами, например, Э. Ренаном. Особенно это значимо для нашей страны: первые неоязыческие идеологи появляются еще в советскую эпоху и опираются как на критику христианства, так и на апологию «народной культуры», характерную для советской культурной политики.

Вторым фактором можно считать распространенное в мире «увлечение Востоком». Среди отечественных неоязычников очень популярны идеи близости русской и индийской культуры, общем индо-арийском наследии, идея Ведической Руси. Можно привести характерный пример неоязыческого творчества, взятого нами из неоязыческого сообщества «ВКонтакте»:

Люблю Ведическую Русь,
Её обряды и былины...
Её заветам поклонюсь,
И сказки сберегу для сына.
(...)

Увлечение востоком было характерно для западной массовой культуры XX века, это увлечение было характерно и для советской культуры того же периода, оно не столько поощрялось официально, сколько не репрессировалось, если не принимало каких-то организованных форм.

Очень часто то воображаемое культурное наследие, к которому стремятся вернуться неоязычники, строится по восточным образцам: йога превращается в славянскую «здраву», восточные боевые искусства - в какую-нибудь «славяно-горецкую борьбу» и прочие виды славянских боевых искусств.

Очевидно, что современный неоязыческий ренессанс является ответом на вызов глобализации. Мы уже неоднократно упоминали Нью Эйдж, которое сегодня популярно во всем мире и является глобальным движением. Но

неоязычество – это попытка противопоставить «глобальному Нью Эйдж» – «Нью Эйдж локальный», славянский. Следует отметить, что в мире существуют и глобально ориентированные неоязыческие движения, но среди российских неоязычников «глобалисты» составляют явное меньшинство.

Еще одна заметная предпосылка неоязычества – это индивидуализации религии. Собственно, неоязыческие группы – это разновидность НРД, но они значительно отличаются от НРД, завоевавших скандальную известность во второй половине XX века. Эти НРД отличались жесткой формализованной организацией, тотальным подчинением адептов лидеру, контролем мышления и поведения [2]. Но для неоязычества эти черты совершенно не характерны. Неоязычество – это неструктурированное течение, организационные формы там часто присутствуют лишь в зачаточном виде – проведение каких-то культурных мероприятий, обрядов, участие в которых абсолютно добровольно и может вообще не подразумеваться.

Кроме того, неоязычество содержит множество элементов, востребованных современными горожанами-индивидуалистами – забота о здоровом образе жизни, правильном питании, самореализации. То есть неоязычество никак не ограничивает индивидуальную свободу. При этом для неоязычества характерно недоверие к современной технической цивилизации, стремление вернуться к «естественности», что тоже соответствует популярным сегодня культурным настроениям.

Надо отметить, что с отрицанием современной цивилизации связано и отрицание таких ее важнейших атрибутов как наука и технический прогресс [3]. Общая черта всех неоязычников, независимо от страны проживания и политической ориентации, – стремление к естественности: «химиофобия», естественное питание и боязнь «пищевых добавок», антипрививочное движение и др. Неслучайно российское неоязычество тесно связано с движением экопоселений. Всё это тоже роднит неоязычество со страхами современного горожанина. Это, несомненно, способствует его популярности.

В нашей стране предпосылкой популярности неоязычества является и то, что неоязычники эксплуатируют недоверие к «официальной истории». Советский человек привык воспринимать историю, прежде всего, как идеологическую науку, задачей которой является такое истолкование прошлого, которое «выгодно власти». Это отечественное убеждение в неизбежной лживости истории накладывается на универсальное для современной постмодернистской культуры недоверие к метанарративам.

Таким образом, мы видим, что предпосылки неоязычества коренятся и в кризисном состоянии современной культуры, и в определенных политических процессах, и в социально-политических проблемах коллективной идентичности. Российское неоязычество сформировалось и под влиянием универсальных процессов, и под воздействием специфики российской постсоветской ситуации.

Если говорить о перспективах неоязычества, то следует учитывать сохранение предпосылок, его породивших. Неоязычество – ответ на комплекс

определенных проблем. Пока они сохраняются, у неоязычества есть шансы усиливать своё влияние.

Литература

1. Колесникова А.Г., Матецкая А.В., Самыгин С.И. Социология культуры. М., Кнорус, 2017

2. Касьянов В.В., Эгильский Е.Э., Самыгин С.И. Новые религиозные движения в западных странах: возникновение и рост в 60-х – 80-х годах XX века // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 11. С. 40-45.

3. Касьянов В.В. Социология культуры. Москва-Краснодар. 2016. С. 186.

Literature

1. Kolesnikova A.G., Matetskaya A.V., Samygin S.I. Culture sociology. M, Knorus, 2017

2. Kasyanov V.V., Egilsky E.E., Samygin S.I. The new religious movements in the western countries: emergence and growth in the 60th – the 80th years of the XX century//Humanitarian, social and economic and social sciences. 2017. No. 11. Page 40-45.

3. Kasyanov V.V. Culture sociology. Moscow-Krasnodar. 2016. Page 186.